

К. Д. УШИНСКИЙ

ДВА ПЛУГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ЧИТАЕМ САМИ

К. Д. УШИНСКИЙ

ДВА ПЛУГА

Рассказы

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1989

ББК 84Р1
У94

В книге собраны рассказы из учебных книг великого русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского (1824—1870).

Не одно поколение русских детей училось по его книгам «Детский мир» и «Родное слово». Наши бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки читали их.

А теперь настал и ваш черёд. Рассказы понравятся вам, хотя и были впервые напечатаны очень давно — более ста лет назад.

ХУДОЖНИК Б. ОЛЬШАНСКИЙ

Ушинский К. Д.

У84 Два плуга. Рассказы / Худож. Б. Ольшанский.— М.: Дет. лит., 1989.—32 с.: ил.— (Читаем сами).

ISBN 5—08—000658—7

В книгу вошли рассказы: «Два плуга», «Хлеб», «Как рубашка в поле выросла», «История одной яблоньки», «Бодливая корова», «Чужое яичко», «Гадюка», «Орёл и кошка».

У $\frac{4803010101-387}{М101(03)-89}$ 097—89 ББК 84Р1

ISBN 5—08—000658—7

ДВА ПЛУГА

Из одного и того же куска железа и в одной и той же мастерской были сделаны два плуга. Один из них попал в руки земледельца и немедленно пошёл в работу; а другой долго и совершенно бесполезно провалялся в лавке купца. Случилось через несколько времени, что оба земляка опять встретились. Плуг, бывший у земледельца, блестел, как серебро, и был даже ещё лучше, чем в то время, когда он только что вышел из мастерской; плуг же, пролежавший без всякого дела в лавке, потемнел и покрылся ржавчиной.

— Скажи, пожалуйста, отчего ты так блестишь? — спросил заржавевший плуг у своего старого знакомца.

— От труда, мой милый,— отвечал тот.— А если ты заржавел и сделался хуже, чем был, то потому, что всё это время ты пролежал на боку, ничего не делая.

ХЛЕБ

Земля кормит человека, но кормит не даром. Много должны потрудиться люди, чтобы поле вместо травы, годной только для скота, дало рожь для чёрного хлеба, пшеницу для булки, гречу и просо для каши.

Сначала земледелец пашет поле *сохою*, если не нужно пахать глубоко, или *плугом*, если пашет *новину*, или такое поле, что его пахать нужно глубже. Соха легче плуга, и в неё запрягают одну лошадку. Плуг гораздо тяжелее сохи, берёт глубже, и в него впрягают несколько пар лошадей или волов.

Вспахано поле; всё оно покрылось большими глыбами земли. Но этого ещё мало. Если поле новое или земля сама по себе очень жирна, то *навоза* не надобно; но если на ниве что-нибудь уже было сеяно и она истощилась, то её надобно удобрить навозом.

Навоз вывозят крестьяне на поле осенью или весною и разбрасывают кучками. Но в кучках навоз мало принесёт пользы: надобно его запахать сохою в землю.

Вот навоз перегнил; но сеять всё ещё нельзя. Земля лежит комьями, а для зёрнушка надобно мягкую постельку. Выезжают крестьяне на поле с зубчатыми боронами: боронят, пока все комья разобьются, и тогда только начинают сеять.

Сеют или весною, или осенью. Осенью сеют *озимый* хлеб: рожь и озимую пшеницу. Весною сеют яровой хлеб: ячмень, овёс, просо, гречиху и яровую пшеницу.

Озимь всходит ещё с осени, и когда на лугах трава уже давно пожелтела, тогда озимые поля покрываются всходами, словно зелёным бархатом. Жалко смотреть, как падает снег на такое бархатное поле. Молодые листочки озими под снегом скоро вянут; но тем лучше растут корешки, кустятся и глубже идут в землю. Всю зиму просидит озимь под снегом, а весною, когда снег сойдёт и солнышко пригреет, пустит новые стебельки, новые листки, крепче, здоровее прежних. Дурно только, если начнутся морозы прежде, чем ляжет снег; тогда, пожалуй, озимь может вымерзнуть. Вот почему крестьяне боятся морозов без снега и не жалеют, а радуются, когда озимь прикрывается на зиму толстым снежным одеялом.

КАК РУБАШКА В ПОЛЕ ВЫРОСЛА

I

Видела Таня, как отец её горстями разбрасывал по полю маленькие блестящие зёрна, и спрашивает:

— Что ты, тятя, делаешь?

— А вот сею ленок, дочка: вырастет рубашка тебе и Васютке.

Задумалась Таня: никогда она не видала, чтобы рубашки в поле росли.

Недели через две покрылась полоска зелёною шелковистою травкой, и подумала Таня: «Хорошо, если бы у меня была такая рубашечка!» Раза два мать и сёстры Тани приходили полоску полоть и всякий раз говорили девочке: «Славная у тебя рубашечка будет!» Прошло ещё несколько недель; травка на полоске поднялась, и на ней показались голубые цветочки. «У братца Васи такие глазки,— подумала Таня,— но рубашечек таких я ни на ком не видала».

Когда цветочки опали, то на место их показались зелёные головки. Когда головки забурели и подсохли, мать и сёстры Тани повыдергали весь лён с корнем, навязали снопиков и поставили их на поле просохнуть.

II

Когда лён просох, то стали у него головки отрезывать; а потом потопили в речке безголовые пучки и ещё камнем сверху навалили, чтобы не всплыл.

Печально смотрела Таня, как её рубашечку топят; а сёстры тут ей опять сказали: «Славная у тебя, Таня, рубашка будет!»

Недели через две вынули лён из речки, просушили и ста-

ли колотить сначала доской на гумне, потом *трепалом*[1] на дворе, так что от бедного льна летела кострика[2] во все стороны. Вытрепавши, стали лён чесать железным гребнем, пока он сделался мягким и шелковистым. «Славная у тебя рубашка будет!» — опять сказали Тане сёстры. Но Таня подумала: «Где же тут рубашка? Это похоже на волоски Васи, а не на рубашку».

III

Настали длинные зимние вечера. Сёстры Тани надели лён на гребни и стали из него нитки прясть. «Это нитки! — думает Таня. — А где же рубашечка?»

[1] Трепáло — зубчатая дощечка, которой выколачивают, треплют лён.
[2] Кострúка — отбросы льна после выколачивания.

Прошла зима, весна и лето,— настала осень: Отец установил в избе кросна[1], натянул из них основу и начал ткать. Забегал проворно челночок между нитками, и тут уже Таня сама увидала, как из ниток выходит холст.

Когда холст был готов, стали его на морозе морозить, по снегу расстилать; а весной расстилали его по траве на солнышке и взбрызгивали водой. Сделался холст из серого белым, как кипень[2].

Настала опять зима. Накроила из холста мать рубашек; принялись сёстры рубашки шить и к рождеству[3] надели на Таню и Васю новые, белые, как снег, рубашечки.

---

[1] Кро́сна — старинный ткацкий станок.
[2] Ки́пень — белая от кипения пена.
[3] Рождество́ — старинный праздник Нового года.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЯБЛОНЬКИ

1

Росла в лесу дикая яблоня; осенью упало с неё кислое яблоко. Птицы склевали и яблоко, поклевали и зёрнышки. Одно только зёрнышко спряталось в землю и осталось.

Зиму пролежало зёрнышко под снегом, а весной, когда солнышко отогрело мокрую землю, зерно стало прорастать: пустило вниз корешок, а кверху выгнало два первых листика. Из-промеж листочков выбежал стебелёк с почкой, а из почки, наверху, вышли зелёные листики. Почка за почкой, листик за листиком, веточка за веточкой — и лет через пять хорошенькая яблонька стояла на том месте, где упало зёрнышко.

Пришёл в лес садовник с заступом, увидал яблоньку и говорит:

— Вот хорошее деревцо; оно мне пригодится.

Задрожала яблонька, когда садовник стал её выкапывать, и думает: «Пропала я совсем!» Но садовник выкопал яблоньку осторожно, корешков не повредил, перенёс её в сад и посадил в хорошую землю.

2

Загордилась яблонька в саду: «Должно быть, я редкое дерево,— думает она,— когда меня из лесу в сад перенесли», и свысока посматривает вокруг на некрасивые пеньки, завязанные тряпочками: не знала она, что попала *в школу*.

На другой год пришёл садовник с кривым ножом и стал яблоньку резать. Задрожала яблонька и думает: «Ну, теперь-то я совсем пропала».

Срезал садовник всю зелёную верхушку деревца, оставил один пенёк, да и тот ещё расщепил сверху; в трещину воткнул садовник молодой побег от хорошей яблони; закрыл рану замазкой, обвязал тряпочкой, обставил новую прищепу колышками и ушёл.

3

Прихворнула яблонька; но была она молода и сильна, скоро поправилась и срослась с чужой веточкой. Пьёт веточка соки сильной яблоньки и растёт быстро: выкидывает почку за почкой, листок за листком; выгоняет побег за побегом, веточку за веточкой, и года через три зацвело деревцо бело-розовыми, душистыми цветами. Опали бело-розовые лепестки, и на их месте появилась зелёная завязь, а к осени из завязи сделались яблоки; да уж не дикие кислицы, а большие, румяные, сладкие, рассыпчатые. И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что из других садов приходили брать от неё побеги для прищеп.

БОДЛИВАЯ КОРОВА

(Из рассказов хуторянина)

Была у нас корова, да такая характерная, бодливая, что беда! Может быть, потому и молока у неё было мало.

Помучились с ней и мать и сёстры. Бывало, прогонят в стадо, а она или домой в полдень придерёт, или в житах очутится,— иди, выручай!

Особенно когда бывал у неё телёпок,— удержу нет! Раз даже весь хлев рогами разворотила, к телёнку билась, а рогато у неё были длинные да прямые. Уж не раз собирался отец ей рога отпилить, да как-то всё откладывал, будто что предчувствовал старый.

А какая была увёртливая да прыткая! Как поднимет хвост, опустит голову да махнёт,— так и на лошади не догонишь.

Вот раз, летом, прибежала она от пастуха ещё задолго до вечеру,— было у ней дома теля. Подоила мать корову, выпустила теля и говорит сестре, девочке эдак лет двенадцати:

— Погони, Феня, их к речке, пусть на бережку попасутся, да смотри, чтоб в жито не затесались. До ночи ещё далеко: что им тут без толку стоять!

Взяла Феня хворостину, погнала и теля, и корову; пригнала на бережок, пустила пастись; а сама под вербой села и стала венок плести из васильков, что по дороге во ржи нарвала; плетёт и песенку поёт.

Слышит Феня, что-то в лозняке зашуршало; а речка-то с обоих берегов густым лозняком обросла.

Глядит Феня, что-то серое сквозь густой лозняк продирается, и покажись глупой девочке, что это наша собака, Серко. Известно,— волк на собаку совсем похож; только шея неповоротливая, хвост палкой, морда понурая и глаза блестят; но Феня волка никогда вблизи не видала.

Стала уже Феня собаку манить:

— Серко, Серко! — как смотрит: телёнок, а за ним корова

несутся прямо на неё как бешеные. Феня вскочила, прижалась к вербе, не знает, что делать; телёнок к ней, а корова их обоих задом к дереву прижала, голову наклонила, ревёт, передними копытами землю роет, а рога-то прямо волку выставила.

Феня перепугалась, обхватила дерево обеими руками, кричать хочет — голосу нет. А волк прямо на корову кинулся,да и отскочил: с первого раза, видно, задела его рогом. Видит волк, что нахрапом ничего не возьмёшь, и стал он кидаться то с той, то с другой стороны, чтобы как-нибудь сбоку в корову вцепиться или теля отхватить,— только куда ни кинется, везде рога ему навстречу.

Феня всё ещё не догадывается, в чём дело, хотела бежать, да корова не пускает, так и жмёт к дереву.

Стала тут девочка кричать, на помощь звать:

— Ратуйте, кто в бога вируе, ратуйте![1]

Наш казак орал[2] тут на взгорке, услышал, что и корова-то ревёт и девочка кричит, кинул соху и прибежал на крик.

Видит казак, что делается, да не смеет с голыми руками на волка сунуться: такой он большой да остервенелый; стал казак сына кликать, что орал тут же на поле.

Как завидел волк, что люди бегут, унялся, огрызнулся ещё раз, два, завыл, да и в лозняк.

Феню казаки едва домой довели,— так перепугалась девочка.

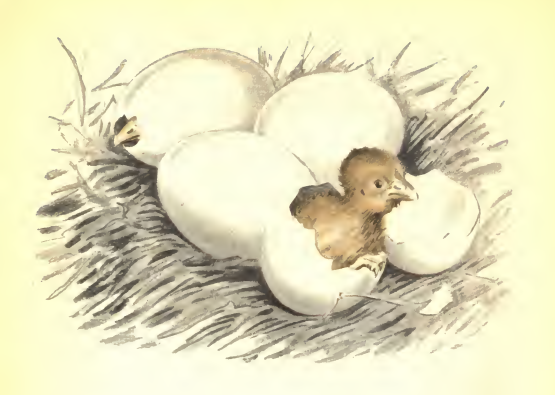
Порадовался тогда отец, что не отпилил корове рогов.

---

[1] Спасайте! *(укр.)*
[2] Ора́л *(старин.)* — пахал.

ЧУЖОЕ ЯИЧКО

(Из рассказов хуторянина)

Рано утром встала старушка Дарья, выбрала тёмное, укромное местечко в курятнике, поставила туда корзинку, где на мягком сене были разложены 13 яиц, и усадила на них хохлатку. Чуть светало, и старуха не рассмотрела, что тринадцатое яичко было зеленоватое и поменьше прочих. Сидит курица прилежно, греет яички; сбегает поклевать зёрнышек, попить водицы — и опять на место; даже вылиняла, бедняжка. И какая стала сердитая: шипит, клохчет, даже петушку не даёт подойти, а тому очень хотелось заглянуть, что там в тёмном уголке делается. Просидела курочка недели с три, и стали из яичек цыплята выклёвываться один за другим: проклюнет скорлупку носом, выскочит, отряхнётся и станет бегать, ножками пыль разгребать, червячков искать.

Позже всех проклюнулся цыплёнок из зеленоватого яичка. И какой же странный он вышел: кругленький, пушистый,

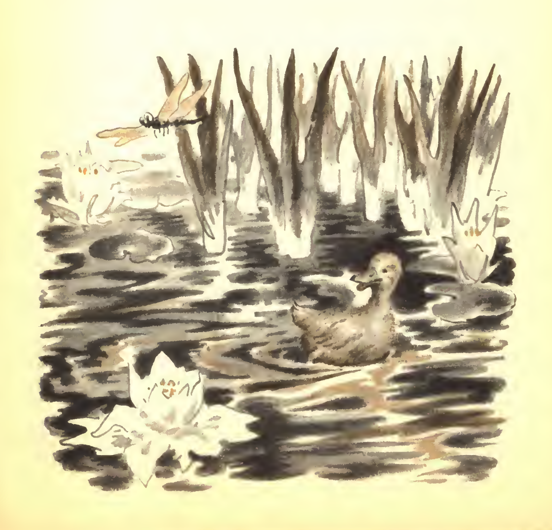
жёлтый, с коротенькими ножками, с широким носиком. «Странный у меня вышел цыплёнок, — думает курица. — И клюёт, и ходит-то он не по-нашему; носик широкий, ноги коротенькие, какой-то косолапый, с ноги на ногу переваливается». Подивилась курица своему цыплёнку, однако же какой ни на есть, а всё сын. И любит, и бережёт его курица, как и прочих; а если завидит ястреба, то, распустивши перья и широко раздвинув круглые крылья, прячет под себя всех своих цыплят, не разбирая, какие у кого ноги.

Стала курочка деток учить, как из земли червячков выкапывать, и повела всю семью на берег пруда: там-де червей больше и земля мягче. Как только коротконогий цыплёнок завидел воду, так прямо и кинулся в неё. Курица кричит,

крыльями машет, к воде кидается; цыплята тоже перетревожились: бегают, суетятся, пищат; и один петушок с испугу даже вскочил на камешек, вытянув шейку, и в первый раз в своей жизни заорал осиплым голоском: «Ку-ку-ре-ку!» Помогите, мол, добрые люди, братец тонет! Но братец не утонул, а превесело и легко, как клок хлопчатой бумаги, плавал себе по воде, загребая воду своими широкими, перепончатыми лапами. На крик курицы выбежала из избы старая Дарья, увидела, что делается, и закричала:

— Ахти, грех какой! Видно, это я сослепу подложила утиное яйцо под курицу.

А курица так и рвалась к пруду: насилу могли отогнать бедную.

ГАДЮКА

(Из рассказов хуторянина)

Вокруг нашего хутора, по яругам[1] и мокрым местам, водилось немало змей.

Я не говорю об ужах: к безвредному ужу у нас так привыкли, что и змеёй-то его не зовут. У него есть во рту небольшие острые зубы, он ловит мышей и даже птичек и, пожалуй, может прокусить кожу; но нет яду в этих зубах, и укушение ужа совершенно безвредно.

Ужей у нас было множество, особенно в кучах соломы, что лежала около гумна: как пригреет солнышко, так они и выползут оттуда; шипят, когда подойдёшь, язык или жало показывают; но ведь не жалом змеи кусают. Даже в кухне под полом водились ужи; как станут, бывало, дети, сидя на полу, молоко хлебать, так у́ж и выползет и к чашке голову тянет, а дети его ложкой по лбу.

---

[1] Яру́га *(укр.)* — овраг.

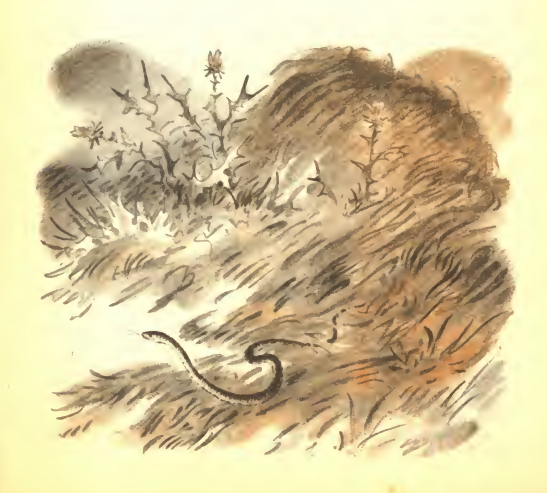
Но водились у нас не одни ужи; водилась и ядовитая змея, чёрная, большая, без тех жёлтых полосок, что видны у ужа около головы. Такую змею зовут у нас *гадюкою*. Гадюка нередко кусала скот, и если не успеют, бывало, позвать с села старого деда Охрима, который знал какое-то лекарство против укушения ядовитых змей, то скотина непременно падёт,— раздует её, бедную, как гору. Один мальчик у нас также умер от гадюки. Укусила она его около самого плеча, и, прежде чем пришёл Охрим, опухоль перешла с руки на

шею и грудь; дитя стало бредить, метаться и через два дня померло. Я в детстве много наслышался про гадюк и боялся их страшно, как будто чувствовал, что мне придётся встретиться с опасной гадиной.

Косили у нас за садом, в сухой балке, где весной всякий год бежит ручей, а летом только сыровато и растёт высокая густая трава. Всякая косовица была для меня праздником, особенно как сгребут сено в копны. Тут, бывало, и станешь бегать по сенокосу и со всего размаху кидаться в копны и барахтаться в душистом сене, пока не прогонят бабы, чтобы не разбивал копён.

Вот так-то и в этот раз бегал я и кувыркался; баб не было, косари пошли далеко, и только наша чёрная, большая собака, Бровко, лежала на копне и грызла кость.

Кувыркнулся я в одну копну, перевернулся в ней раза два и вдруг вскочил с ужасом. Что-то холодное и скользкое мазнуло меня по руке. Мысль о гадюке мелькнула в голове моей, и что же? Огромная гадюка, которую я обеспокоил, вылезла из сена и, подымаясь на хвост, готова была на меня кинуться.

Вместо того, чтобы бежать, я стою, как окаменелый, будто гадина зачаровала меня своими безвекими, неморгающими глазами. Ещё бы минута — и я погиб; но Бровко, как стрела, слетел с копны, кинулся на змею, и завязалась между ними смертельная борьба.

Собака рвала змею зубами, топтала лапами; змея кусала собаку и в морду, и в грудь, и в живот. Но через минуту

только клочки гадюки лежали на земле, а Бровко кинулся бежать и исчез.

Тут только воротился ко мне голос: я стал кричать и плакать; прибежали косари и косами добили ещё трепетавшие куски змеи.

Но страннее всего, что Бровко с этого дня пропал и скитался неизвестно где.

Только через две недели воротился он домой: худой, тощий, но здоровый. Отец говорил мне, что собаки знают траву, которою они лечатся от укушения гадюки.

ОРЁЛ И КОШКА

За деревней весело играла кошка со своими котятами. Весеннее солнышко грело, и маленькая семья была очень счастлива.

Вдруг, откуда ни возьмись,— огромный степной орёл: как молния, спустился он с вышины и схватил одного котёнка. Но не успел ещё орёл подняться, как мать вцепилась уже в него. Хищник бросил котёнка и схватился со старой кошкой. Закипела битва насмерть.

Могучие крылья, крепкий клюв, сильные лапы с длинны-

ми кривыми когтями давали орлу большое преимущество: он рвал кожу кошки и выклевал ей один глаз. Но кошка не потеряла мужества, крепко вцепилась в орла когтями и перекусила ему правое крыло.

Теперь уже победа стала клониться на сторону кошки; но орёл всё ещё был очень силён, а кошка уже устала; однако же она собрала свои последние силы, сделала ловкий прыжок и повалила орла на землю. В ту же минуту откусила она ему голову и, забыв свои собственные раны, принялась облизывать своего израненного котёнка.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ушинский Константин Дмитриевич

ДВА ПЛУГА
Рассказы

Ответственный редактор *Г. И. Гусева*
Художественный редактор *Л. Д. Бирюков*
Технический редактор *Л. С. Стёпина*
Корректор *Н. С. Ломовцева*

ИБ № 11269

Сдано в набор 16.02.89. Подписано к печати 28.06.89. Формат $70\times100^1/_{16}$. Бум. офс. № 2. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,6. Усл. кр.-отт. 6,5. Уч.-изд. л. 2,35. Тираж 3 000 000 экз. Заказ № 2599. Цена 15 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

15 к.

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература»
выпускает для вас
серию книг «Читаем сами».

В 1989 году вышли и выходят книги:

КАК ХОДЯТ ДЕРЕВЬЯ. *Рассказы.*
ДИВНАЯ ЩУКА. *Русские народные песни.*
КОЛОБОК. *Русские народные сказки.*
НИ ОКОН, НИ ДВЕРЕЙ. *Русские народные загадки.*

* * *

Бианки В. МЫШОНОК ПИК. *Рассказ.*
Зощенко М. САМОЕ ГЛАВНОЕ. *Рассказы.*
ЮНЫЕ БОЙЦЫ РЕВОЛЮЦИИ. *Рассказы.*
Аким Я. ГДЕ ТЫ ХОДИШЬ, ОСЕНЬ! *Стихи.*
Барто А. ЕСТЬ ТАКИЕ МАЛЬЧИШКИ. *Стихи.*
Благинина Е. ОГОНЕК. *Стихи.*